

Глава 1

Лондон, Англия, февраль 1807 года

— Эй, Фанни! Может, перепихнемся?

Фантина Делярив, покачивая бедрами, протиснулась мимо группы плотоядно ухмыляющихся мужчин, хитро прищурилась и дружески улыбнулась самому крупному из них.

— А у тебя есть чем пихаться, малыш Томми? Приходи, когда немножко подрастешь.

Она поставила перед здоровяком его эль, потрепала по щеке. И направилась дальше по грязному, мрачному бару, отвечая на скабрезности и ласковые шлепки посетителей.

Ее все здесь знали в лицо, называли Фанни, но ни один не знал правды. Никому бы и в голову не пришло, что однажды она прислуживала принцессе и что ей удалось поймать французского шпиона. Никто и никогда бы не поверил, что она владеет испанским и может так приготовить гуся, что пальчики оближешь, — не стыдно и королю подать. И уж, конечно, никто не мог предположить, что она собирается проделывать подобные вещи снова и снова, пока возраст еще позволяет посылать поцелуи стареющим лордам.

Вряд ли кто-нибудь из ее окружения поверил бы в то, что она совершила, а Фанни никому и не рассказывала об этом. С непревзойденным мастерством играя роль дешевой шлюхи, она шутила с постоянными посетителями и в глубине души сама не верила тому, что ее может ждать другое будущее.

— Фанни! — окликнул ее толстяк, своим скрипучим голосом легко перекрикивая гул. — Мой уже подрос и хочет тебя. Завтра. За чаем.

Фантина присела на край барного стула, позволяя почти слепому старику пощупать ее за коленку, — но не более.

— Завтра, за чаем, — эхом повторила она. — Тогда пойду принаряжусь. Хотя все равно раздеваться придется.

И она вместе с завсегдатаями громко рассмеялась своей грубой шутке.

* * *

— Доброе утро, милорд. Надеюсь, вы хорошо спали.

Маркус Кейн, лорд Чедвик, поднял голову — в серебряной рюмке, грозя выпасть, качнулось яйцо всмятку.

— И с кем ты уже поделился своими надеждами, Бентли? — сухо поинтересовался он.

— Ни с единой живой душой, — с бесстрастным выражением на рыхлом лице ответил слуга.

— Только бы не с моей праведницей матушкой, — ответил Маркус. — Надеюсь, ты проследил, чтобы Паолина благополучно перекочевала из моей постели в свою?

— Она перекочевала благополучно, милорд.

На ум пришло с десятков остроумных ответов, но Маркус сделал глоток чая, отмахнувшись ото всех. Его секретарь не понял бы сути ни одного из них, так что незачем напрасно тратить силы. Вместо ответа он открыл утреннюю газету, отлично зная, что с легкостью может просматривать газетные полосы и слушать детальный доклад Бентли о планах на сегодняшний день.

Он ошибся.

— Я отменил вашу встречу с сестрой за чаем, сославшись на неотложные дела с шотландским поместьем.

Взгляд Маркуса был прикован к статье, посвященной последнему выступлению Уильяма Уилберфорса с речью в палате общин, но, услышав эту новость из уст секретаря, лорд Чедвик оторвался газеты.

— А разве у меня неотложные дела в шотландском поместье?

— Нет, милорд. Но вас пригласили нанести визит лорду Пенуорти. Тон приглашения свидетельствует о том, что дело не терпит отлагательств.

Маркус удивленно изогнул брови. Он не общался с Пенуорти со дня похорон Джеффри, вот уже почти три года. Они, разумеется, вели переписку касательно вопросов политики, встречались в палате лордов, но тут было совершенно другое дело. Видимо, действительно произошло нечто из ряда вон выходящее, если его так неожиданно пригласили в дом бывшего наставника.

Маркус отложил салфетку и встал из-за стола.

— Спасибо, Бентли. Теперь я понимаю, почему плачу тебе непомерно высокое жалованье.

* * *

Маркус не успел и глазом моргнуть, как экипаж уже остановился у дома лорда Пенуорти. Несмотря на то что дом Пенуорти располагался не на Гросвенор-сквер, он был, с одной стороны, достаточно роскошен для члена парламента, а с другой — довольно уединен, чтобы скрыть от любопытных глаз тайные дела, которые вел его обитатель на благо Его Величества.

Если честно, Маркус любил и этот дом, и его хозяина, поэтому в приподнятом настроении выбрался из экипажа.

Но он предвидел, что хорошее расположение вскоре покинет его. Маркус прекрасно знал, что находится в сложном положении, поскольку ему придется отказаться от любого задания, которое, несомненно, попытается дать ему его друг. Но решение уже давно принято. Для Маркуса настал час приступить к обязанностям старшего сына в семье, а это означает отказ от любимых увлечений.

Особенно сейчас, когда некому будет занять его место, если он вдруг совершит очередную ошибку, которая обойдется весьма дорого. За время своей работы на британскую разведку он редко допускал оплошности, но одной-единственной оказалось достаточно. Именно из-за нее погиб его брат Джефффри.

Маркус поднял дверной молоток, обрушил его на дверь с силой настоящей кувалды, как будто этим ударом пытался выбить свои воспоминания. Он, конечно, не мог не согласиться, что время лечит, но по себе знал, что некоторые раны полностью не излечить никогда, а потому с горечью улыбнулся.

Дверь резко открылась. На пороге, держась за ручку, стоял мужчина, которого легко можно было бы принять за брата-близнеца Батлера, только голос у него был глубокий и глухой, какой и должен иметь дворецкий.

— Добрый день, милорд. Его светлость ожидает вас в библиотеке.

Маркус вошел в дом, решительно протянул свою шляпу и пальто, вместе с одеждой стряхивая с себя февральский холод. И машинально направился по коридору, не удосужившись подождать, когда его проводит слуга. И только тогда обратил внимание, что

вокруг нет ни души. Даже дворецкий куда-то исчез. Атмосфера в доме была на удивление таинственной и приглушенной.

По всей видимости, то, для чего его пригласил Пенуорти, действительно важно.

Маркус вздохнул — он уже собрался с духом, чтобы отказаться. Украдкой проникать в дом, сидеть в ожидании целую ночь в какой-нибудь канаве с ледяной водой — вспоминая об этих подвигах, он и сам не знал, жалеет о прошлом или, наоборот, радуется тому, что оно миновало.

Он негромко постучал в дверь библиотеки.

— Войдите.

Отдавая должное атмосфере дома, Маркус беззвучно вошел, тщательно прикрыв за собой дверь. Он мало что мог разглядеть в полумраке комнаты, но улыбнулся успокаивающему запаху кожаных книжных переплетов и обшитому сосной камину.

— Чедвик, старина! Рад, что вы пришли.

Маркус обошел два вольтеровских кресла и поприветствовал своего старого друга.

— Я никогда не пренебрег бы вашим приглашением, — легко ответил он.

Он запнулся, стараясь откровенно не таращиться на собеседника. Бог мой, что случилось с этим человеком? Совсем недавно Пенуорти, хотя и был пожилым джентльменом, выглядел достаточно крепким мужчиной, а сейчас напоминал согбенного времени монаха. Когда он встал, стало заметно, что его седые волосы растрепались и обвисли, а глаза покраснели от усталости. И хотя он уверенно шагнул навстречу, его протянутая рука была скручена артритом, а все тело, казалось, было шуплым и состарившимся.

Разумеется, Маркус не мог спросить, что случилось, не мог даже показать, что встревожен. Поэтому он просто улыбнулся, пытаясь выдавить из себя какую-нибудь любезность.

— Отличный день, не так ли?

Пенуорти усмехнулся.

— И все? Никаких тебе вежливых комплиментов о том, как отлично я выгляжу?

Чтобы увильнуть от прямого ответа, Маркус махнул в сторону разбросанных на столе стопок бумаг.

— Навалились государственные дела?

— Не так чтобы очень, — ответил Пенуорти, дернув головой. — Я просто старею, да и кашель все почему-то не проходит. Коньяк?

— Благодарю. Прошу, позвольте мне поухаживать.

Маркус подошел к буфету, привычно наполнил бокалы. Он и забыл, что Пенуорти почти шестьдесят. Маркусу стало не по себе от одной лишь мысли, что он может потерять своего давнего друга из-за какого-то кашля. Но его безрадостные мысли были тут же прерваны Пенуорти.

— Меня беспокоят гораздо более серьезные дела, — заявил хозяин.

Маркус попытался отвлечься от грустных размышлений, сосредоточиться на том, что ему вот-вот сообщат. В конце концов, сейчас он узнает, к чему вся эта таинственность.

— Я, разумеется, в полном вашем распоряжении...

Неожиданно дверь библиотеки распахнулась, ворвавшийся поток воздуха задул стоящие на столе свечи, и горячий воск брызнул на лежащие там государственные бумаги. Безмятежную атмосферу комнаты пронзил высокий голос:

— Приветик, дорогуша! Прости, что опоздала.

К изумлению Маркуса, в комнату вошла миниатюрная уличная проститутка; от ее ярких одеяний закружилась голова, а вырез лифа был настолько низким, что обнажал соблазнительные округлости ее груди. Она несла серебряный поднос, и Маркус боялся, что девушка не сможет удержать стоящие на подносе чашки — так сильно она покачивала бедрами.

— Фантина! — воскликнул Пенуорти, и в этом единственном произнесенном им слове прозвучали смятение и изумление, что не ускользнуло от юной проститутки.

— Да, это я, голубчики, — ответила она, поставив поднос и расправив плечи. — Здравствуйте — приехали! Это что такое? — воскликнула она, отбирая у Пенуорти бокал с коньяком. — От этой французской гадости у тебя кишки погниют, точно тебе говорю! — И не успел старик что-либо возразить, как она проворно осушила бокал. — Так вот, — хрипло произнесла она, причмокнув губами. — Кишки погниют, точно тебе говорю. А теперь попейте чайку, будьте хорошим мальчиком.

Пенуорти вздохнул, бросив на Маркуса взгляд, в котором читались одновременно извинение и капитуляция.